

Игорь Александрович, человек рождается с определенным предназначением. Вы, видимо, родились для танца. Судьба решила за вас и лишила выбора. Не обидно, что многого другого вы не испытали?

- А почему вы решили, что я не испытал другого? Значит, я, кроме танца, ничего на свете и не знаю?

- Когда человек отдается чему-то одному, у него на остальное обычно не хватает ни сил, ни времени, разве нет?

- Видите ли в чем дело, человек, изучая что-то одно, невольно соприкасается с тем, что соседствует с этим одним. И постепенно круг его знаний расширяется настолько, что он, оказывается, знает много. В жизни все так взаимосвязано, что с чего бы вы ни начали, обязательно придете к тому же, к чему придет человек, который начал с другого конца. Это круг, который расширяется. Если вы упретесь в одну точку и всю жизнь будете в нее долбить, то, кроме как быть дураком, ничего не получится. А если вы эту точку начинаете расширять, то можете расширять до пределов Космоса. Этому нет конца.

Так что неверно думать, что человек, который занимается танцем, и понимает только в танце. Танец - плод национальной культуры. У каждого народа своя культура. Но когда вы будете сравнивать танцы разных

Игорь Александрович Моисеев покорил меня своей стремительностью.

Сказал: давайте встретимся, завтра я занят, послезавтра тоже, а что если в субботу? - позвоните накануне.

Позвонила. "Завтра буду на работе в 12.15, в Концертном зале Чайковского. 4-й этаж. К Моисееву".

Попросили подождать: у него посетитель. Оказалось - тоже интервью. Наконец Моисеев выглянул в дверь:

"Кто меня ждет?" Пригласил, хотя устало поворчал, что замучили интервью, накупились, словно неожиданно открыли, вдруг обнаружили - спохватились, что он еще существует.

Это последствия фестиваля в честь его юбилея - 70 лет творчества.

Такая дата - при жизни. Необыкновенно.

Гость 13-й страницы

Фото В. Ахлюмова

- Иногда на минуту отрывали. Но все три моих брака были серьезными. Мой же 69 лет, мне 88. Мы живем с 1964 года, уже тридцать лет. Она из очень благой семьи, аристократической. Раньше это приходилось скрывать. Ее фамилия Чагадаева. Сами понимаете, какого рода фамилия.

- Кто на кого обратил внимание первый?

- Поскольку я на 19 лет старше, ясно, что я первый обратил. Ей было 16 лет, когда она поступила к нам в ансамбль. И я даже не сразу понял, что я ее люблю, а всячески содействовал тому, чтобы она вышла замуж не за меня. Потом уже, когда этот брак оказался не очень счастливым и я страдал, я понял, что люблю. И когда она разошлась, мы поженились.

- С 1937 года, года рождения Государственного ансамбля народного танца СССР, вы пережили множество режимов, правителей и при каждом умудрялись получать звания и награды. Как вам удавалось "дружить" с властями? Или - ускользать от них? Или - выживать при них?

- Вот вы на все и ответили. Иногда приходилось ускользать. Иногда - выживать. Но смысл моей карьеры заключался в том, что я всегда был нужен. Нужно создать какой-то праздник: этот не может, тот не может, попробуем Моисеева. Получалось. Замечательно. Великое счастье - быть нужным.

Мне приходилось даже выходить за рамки своей профессии. Я пять раз ставил парад на Красной площади. В самое опасное время - сталинское. И все пять раз я брал первые места. Я был уже непререкаемым авторитетом. Но потом удалось от этого увыльнуть - атмосфера там всегда была ужасная. Такие интриги, как у спортсменов, не снислись никому артисту. Они просто сжигали друг друга. И я не хотел больше иметь с ними ничего общего. Кроме того, эти парадные всегда проходили в конце лета, и мне из-за них приходилось отказывать себе в отдыхе. Первые два раза ставил их с удовольствием, а потом устал от этого, меня ловили, вплоть до угроз заставляли делать.

- С каждым правителем отношения у вас складывались как-то особыми по раз и навсегда сложившемуся стереотипу?

- Нет, несмотря на то, что я был моложе всех в своей области, я очень быстро стал авторитетом. Ко мне так и обращались. И каждый раз оказывалось, что никто от этого не прогадал. Со мной было легко. Я легок на подъем, делал все быстро, быстрее других, удачнее других. Поэтому, когда хотели быть спокойны и знать, что все получится, шли ко мне.

- Никто не пытался сделать вас придворным шутком? Особенно при Сталине, когда вы только начинали как руководитель ансамбля?

- Могли бы сделать, если б я пошел навстречу. Я исключительно осторожно себя вел. Дело в том, что мы из Кремля не вылезали. Ни один прием не обходился без ансамбля. Мы были одним из любимых коллективов Сталина. Краснознаменный ансамбль Моисеева, и дальше шли солисты: Козловский, Рейзен, Барсова, Образцов со своей куклой. Вот обычный контингент тех выступлений. Стоило только немного расслабиться, и тебя начинали приглашать на какие-то

банкеты начальники поменьше, особенно люди из окружения Сталина. Я никогда никуда не ходил, под разными предлогами отказывался. Я всегда чувствовал, что за этим - опасность. Благодаря этому выжил. А мог закончить совершенно иначе. Держал дистанцию. Как в армии: подале от начальства, поближе к кухне.

- Такое ощущение, что за вывеской "Ансамбль народного танца" - "Театр Игоря Моисеева".

- Сталин писал: ансамбль Моисеева. Так и пошло. Никто не говорит: Государственный ансамбль. Говорят: ансамбль Моисеева. И первым это начал Сталин. Когда он указывал, кто должен выступать. Так получилось. Я к этому руку не прикладывал.

- Вы считаете себя талантливым человеком?

- Так считают другие.

- А вы сами?

- Я знаю, какого труда это стоит. Это не само дается. Нельзя быть талантом по назначению. Ты должен сам проявить себя.

- Что такое особенное в вас заложено, что позволило из человека танцующего стать человеком, рожающим танцы?

- Творческое начало. Не останавливаться на том, чему тебя научили, а идти дальше. Не надо думать, что ты уже что-то знаешь, надо узнавать то, чего ты еще не узнал. Когда меня что-то интересует, у меня всегда под рукой книга, которая вводит меня в курс дела.

- Говорят, у вас уникальная библиотека?

- Мне и от отца досталась большая библиотека. Плюс та, которую уже я собирал. По танцу, по живописи. Все музеи мира. Не выходил из квартиры, я могу побывать в любом музее. У меня и сама квартира - как музей, из-за всевозможных подарков. Но это не просто подарки, а часть биографии - каждый из них напоминает о какой-то стране, каком-то событии, это складывается уже помимо моей воли. По этим вещам нельзя судить о моем вкусе - они не мной собирались. А вот по книгам можно. Я люблю классику. Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова. Причем не просто люблю, а знаю.

- Игорь Александрович, что вы думаете о себе с 88 лет?

- А я не замечаю возраста. Жизнь позволяет мне еще двигаться - я все сам показываю, все танцы. Иногда показываю так, что другие даже не могут повторить. Если бы мне было трудно, я бы, наверно, оставил работу и ушел на пенсию.

- И чем бы занимались?

- Я пишу. Но очень трудно писать, когда все время надо что-то ставить. Без творчества мне жить будет трудно.

- Простите за грубо прямолинейный вопрос: задумывались ли вы о смерти?

- Задумываюсь, конечно. Хочется уйти с чистой совестью.

- Вам есть в чем каяться?

- Каждому есть в чем каяться. Чем человек менее грешен, тем больше грехов он в себе находит. Это только преступник считает себя порядочным человеком.

- Как вы думаете, без вас ансамбль перестанет быть?

- Вы попали на большое место. Я очень опасна, что мне не на кого будет оставить коллектив. Результат большой суммы знаний, больших усилий... Это не передается просто как богатство, его надо завоевать.

Меня спрашивают: почему вы не воспитали себе наследника? Мне приходится прибегать к таким, может быть, дерзким примерам: "А почему Пушкин не воспитал себе наследника? Почему Толстой не воспитал?" Талант не наследуется.

Талант питается собственными усилиями. Он ни в коем случае не должен быть похож на того, кто был до него. Он должен быть самим собой. Я не могу делать второго Моисеева. То есть если бы мог, то делал бы именно второго Моисеева, а не кого-то другого. А талант, который придет, новый, будет совсем не как Моисеев. Поэтому каждый должен родиться по-своему. За это нельзя упрекать... Мне надо уже бежать...

Он бежал к танцам. Для которых родился. Случайно. И судьбоносно. Как все легенды.

Беседовала Алла ПЕРЕВАЛОВА.

Игорь МОИСЕЕВ

Неделя - 1994 - июнь (№ 24) - с. 13

народов и сопоставлять их, то увидишь, что все они говорят об одном и том же - раскрывают внутренний мир человека, его эмоции, отображают его характер. Танец - это зеркало нравов. Как сложилась жизнь у народа, такие возникли у него навыки, вкусы, традиции, праздники. Через танец вы можете узнать историю.

- Вы родились при царе, в 1906 году, ваш переходный возраст совпал с переломным состоянием страны - 1917-м. Вы помните свои тогдашние ощущения?

- Все, что я тогда видел, помню четко. Другую жизнь, другой мир... Самое страшное, что вижу сейчас, что происходит с нашим народом, - это чудовищное оскудение внутренне-го мира человека. И, между прочим, в танце это очень ярко отражается.

Человек прежде жил своим внутренним миром значительно больше, чем живет сейчас. Культура делится на внешнюю и внутреннюю. Внешняя - это цивилизация, культура технологий. Самолеты, пушки, атомные бомбы и так далее. Внутренняя культура не имеет отрицательных качеств. Цивилизация же имеет их в избытке. Это могучая сила, которая может вознести человека и так же легко уничтожить. Мы пошли по линии внешней культуры. Но попробуй дать обезьяне автомат - что получится?

В народе была такая поговорка: если хочешь от своего сына пользы, не учи его стрелять из лука, пока не научил его добру, иначе он будет все истреблять. Научи его добру - и он станет защищать тебя. Так вот богатство внутреннего мира тогда ощущалось: люди были щедрыми, честными, порядочными. У людей была совесть, которая сейчас начисто отсутствует. Вы спрашиваете, что я видел? Вот раньше я не видел всего того, что вижу сейчас.

- Каким был ваш дом, кто ваши родители?

- Отец был адвокат. После окончания Московского лицея он нашел работу в Киеве, где я и родился. Когда произошла революция и установился советский строй, ему пришлось бросить адвокатуру. Потому что, когда людей арестовывали без всякого закона, он писал протесты. Его выслали раз, второй - у мамы из-за его высылки, естественно, появилась другая жизнь, и они разошлись. Я остался с матерью, с отцом встречался редко. Он был очень интеллигентный человек, окончил два факультета: юридический и философский. Великолепно знал языки. И стал преподавать языки. Благодаря этому выжил. Умер собственной смертью.

Мать моя была полугражданка, полугрумянка. Отец встретил ее в Париже, она работала модельершей. Так что во мне, видите, какой большой коктейль.

У людей была совесть, которая сейчас у слишком многих начисто отсутствует. Раньше я не видел всего того, что вижу сейчас.

ботал, он преуспевает. У меня были способности и в области музыки, и в области живописи.

- А что у вас получалось лучше всего, когда рисовали?

- Животных любил рисовать.

- Как вышло, что вы поступили в хореографическое училище сразу в пятый класс?

- Я очень поздно стал учиться - в 14 лет, а в училище брали с 8. Асаф Мессерер, который недавно умер, и я вместе держали конкурс. Из тридцати человек взяли только нас. Его - в класс старше, так как он был старше меня на два года. Не успел оглянуться, как стал не только солистом Большого театра, но и балетмейстером в 24 года. Это редчайший случай. Обычно балетмейстером делают, закончив актерскую карьеру, перестав танцевать. А я стал в расцвете сил. Наверно, потому, что был танцовщиком очень широкого профиля. Танцевал и классические танцы, и характерные.

Эта широта диапазона и привела меня к тому, что мне показалось слишком узким заниматься всю жизнь только классическим танцем.

бенно в поезде. Люди же бывают бесцеремонны: едет в одном с вами купе и, не спрашивая вас, закуривает. А отец сразу говорил: "Почему вы, собственно, решили, что я должен нюхать ваш табак?"

- Но какие-то слабости-отдушины у вас есть?

- А зачем я их должен выпячивать? У каждого есть недостатки. Но люди меня любят, не могу пожаловаться.

- Женщинам вы, наверное, правились?

- Всегда.

- Верно ли, что благополучие в личной жизни и удача в творчестве несовместимы?

- Я не могу пожаловаться. Три раза был женат, неважно: расписан - не расписан. По-серьезному - три раза. Последний раз - самый удачный. Я счастлив в семейной жизни на сто процентов. Люблю жену больше, чем самого себя. И работу люблю больше, чем самого себя. Значит, я вдвойне счастлив.

- То есть женщины не отвлекали вас от творчества?

